Песни забвения

Вадим Корниенко

Вадим Корниенко

Песни забвения

«Автор»
2025

Корниенко В. М.

Песни забвения / В. М. Корниенко — «Автор», 2025

Музыка хранит память.Но что, если каждая нота — это не вдохновение, а чьё-то забытое воспоминание?Музыкант Алексей случайно находит старую катушку с записью мелодии, которую он никогда не писал.С этого момента его жизнь превращается в странное путешествие между звуком и тишиной, между памятью и исчезновением.Каждая новая композиция стирает часть прошлого — его собственного или чужого.Но чем глубже он погружается в тайну этих песен, тем яснее понимает: забвение не всегда зло. Иногда оно — единственная форма милосердия.«Песни забвения» — мистико-философская притча о цене вдохновения, хрупкости памяти и музыке, которая не звучит, а дышит.Это история о том, что всё, что мы теряем, однажды находит своё звучание — в тишине.

© Корниенко В. М., 2025
© Автор, 2025

Содержание

Глава 1. Запись без имени 5
Глава 2. Тот, кто слушает 8
Глава 3. Дом, где поют стены 12
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Вадим Корниенко
Песни забвения

Глава 1. Запись без имени

Пыль всегда ложится на музыку первой.

Алексей заметил это в тот день, когда открыл дверь старой студии на чердаке дома. Воздух стоял неподвижный, плотный, будто время остановилось в момент последнего аккорда и с тех пор не двигалось. На полках – катушки, кассеты, пластинки, тетради с нотами, пожелтевшие и хрупкие, как сухие листья.

Он не был здесь много лет. После смерти отца студия осталась запертой, и только теперь, когда в доме начали протекать трубы и нужно было разбирать завалы, Алексей решился подняться наверх.

Он долго не включал свет – только стоял в полутьме, слушая, как тишина давит на уши.

Пахло пылью, деревом и чем-то ещё – старым железом, может быть, ржавым временем.

На столе под слоем мусора лежал катушечный магнитофон. Когда Алексей смахнул с него пыль, то увидел наклейку: «Запись №0».

Ни даты, ни подписи.

Только маленькая деталь, от которой по спине побежали мурашки: надпись сделана его собственным почерком.

Он не мог вспомнить, чтобы когда-либо писал подобное.

Не мог вспомнить и когда последний раз вообще держал в руках магнитофон – лет десять, не меньше.

Он сел, провёл пальцами по холодному металлу. Воспоминания всплывали неохотно, как ржавые пузыри из тёмной воды: отец, звук его голоса за дверью студии, старые записи, вечные споры о ритме.

Когда Алексей нажал кнопку «Пуск», лента начала крутиться с тихим шипением, словно кто-то задышал в темноте.

Сначала – шум, хрип, щелчки.

А потом – голос.

Тихий, женский, почти неразличимый. Он не пел, он дышал словами. Как будто в каждом вдохе пряталась мелодия.

Алексей не понял ни одной фразы – язык был странный, не совсем человеческий, словно сочетание шёпота и музыки ветра.

Но где-то глубоко внутри ему показалось, что он уже слышал это раньше.

Когда был ребёнком.

Когда ещё жила его сестра.

Он не помнил самой мелодии – только чувство. Как будто где-то далеко, за гранью слуха, кто-то играет старую колыбельную, и каждое слово стирает что-то изнутри.

Он сидел неподвижно, пока плёнка не закончилась.

Когда тишина снова заполнила комнату, Алексей осознал, что не может вспомнить, зачем вообще поднялся в студию.

Он посмотрел на фотографию, стоящую у стены – двое детей, мальчик и девочка, на фоне пианино.

Мальчик – он сам.

А вот лицо девочки…

Лицо было размыто, будто кто-то прошёл по снимку влажной кистью.

Глаза ещё угадывались, но черты исчезли, растворились в блеске бумаги.

Он сжал фотографию, чувствуя, как внутри нарастает тревога – не страх, а холодное осознание пустоты.

Имя сестры вспоминалось урывками – то ли Алина, то ли Алена.

Нет, не то.

Он знал, что помнил её всю жизнь, но сейчас не мог произнести ни имени, ни звука.

Вечером Алексей спустился вниз, в свою квартиру.

Поставил чайник, открыл ноутбук, попытался найти в старых архивах хоть какие-то документы, фотографии, письма.

Ничего.

Будто сестры никогда не существовало.

Он позвонил матери – они редко общались, но в голосе всегда оставалась усталость старых лет.

– Мам, – тихо сказал он, – а где сейчас… она?

– Кто? – после паузы спросила мать.

– Ну… Алина.

– Какая Алина?

Ответ прозвучал обыденно, почти равнодушно.

И тогда Алексей понял: это не он один забыл.

Ночью он снова поднялся в студию.

За окном лил дождь, и казалось, что капли отбивают ритм, знакомый по той странной записи.

Он включил магнитофон ещё раз, нажав «Пуск» с дрожью в пальцах.

Голос вновь зазвучал, чуть громче, чище.

С каждым вдохом музыка становилась яснее, будто кто-то, спрятанный за пределом звука, приближался.

На мгновение ему почудилось, что женский голос произнёс его имя.

Шепотом.

Почти ласково.

Алексей сделал шаг ближе к динамику – и ощутил странное: будто воздух перед лицом стал плотнее, как ткань.

На мгновение ему показалось, что за шумом ленты слышно дыхание, настоящее, живое.

Он выключил магнитофон.

В комнате снова воцарилась тишина.

Но теперь она была иной – наполненной, живой, как будто кто-то остался здесь, рядом.

Наутро Алексей проснулся в постели, не помня, как добрался туда.

Его голова была тяжёлой, словно внутри копошились ноты, пытаясь сложиться в мелодию.

Он подошёл к зеркалу, посмотрел на себя.

Глаза были чужими, усталыми.

И вдруг, как будто вдалеке, за стеклом отражения, он увидел женскую фигуру – расплывчатую, но отчётливо смотрящую прямо на него.

Когда он моргнул – отражение исчезло.

Но в воздухе остался запах старой плёнки и тихий, еле слышный шорох, будто кто-то на другом конце магнитофона шепнул:

«Теперь ты тоже вспомнишь не всё…»

Глава 2. Тот, кто слушает

У Петра Николаевича не осталось друзей, кроме звуков.

Соседи давно перестали к нему заходить: кто-то жаловался на поздние прослушивания, кто-то просто боялся этого старика, чьё окно всегда светилось слабым жёлтым огнём лампы до самого рассвета.

Он жил один в старой коммуналке, где каждый скрип пола напоминал сердцебиение дома, уже доживающего свой век.
На всех стенах его комнаты – полки, уставленные грампластинками.

Тысячи их. От довоенных песен до забытых студийных записей, от джаза до хора монастыря.

Каждая пластинка имела свою историю, а он помнил её почти наизусть: где купил, у кого, какой был день, когда впервые поставил иглу.

Но одна пластинка выделялась – без этикетки, без обложки, просто чёрный круг с едва заметной царапиной на краю.
Он нашёл её на старом блошином рынке у вокзала, в коробке с надписью «прочее».

Продавец был молчалив, сутулый, с руками, как будто испачканными сажей. Когда Пётр спросил цену, тот ответил странно:

– Эта – не продаётся. Её можно только услышать.
Но, глядя в глаза старика, продавец вдруг усмехнулся и сказал:

– Забирай. Всё равно она тебя найдёт.
Пётр тогда не понял смысла слов, но пластинку взял.

Он всегда чувствовал особое притяжение к «ничейным» звукам – тем, у кого нет автора, нет даты, нет истории.

Это был его способ сопротивляться времени: собирать голоса, пока они не исчезли.

Первое прослушивание произошло ночью, когда город утонул в дожде.

Он зажёг лампу, протёр пластинку мягкой тряпкой, установил её на проигрыватель.

Щелчок иглы, слабое потрескивание – и вдруг раздался голос.
Женский.

Мягкий, родной, такой, от которого внутри что-то оборвалось.
– Лиза… – выдохнул Пётр Николаевич, чувствуя, как кровь ударила в виски.
Это был её голос. Его жены.

Той самой, что умерла двадцать лет назад.
Он замер.

Сначала подумал, что сошёл с ума, что старость и одиночество наконец сплелись в бред. Но голос звучал так живо, так естественно, что сомневаться было невозможно.
Лиза пела.

Не песню – напев, без слов, похожий на колыбельную. Та же интонация, что в их последнюю ночь вместе, когда она лежала в больничной палате и, не открывая глаз, тихо шептала ему под ухо:

«Если когда-нибудь услышишь меня снова – не плачь. Это значит, я всё ещё рядом».
Он слушал, не дыша, пока пластинка не остановилась.

Потом снова поставил иглу – и снова услышал ту же мелодию.

И снова.

И снова.

С каждым прослушиванием что-то менялось.

Голос становился ближе, теплее, будто Лиза пела не из далёкой записи, а из соседней комнаты.

Иногда ему чудилось, что между нотами она произносит слова – неясные, как эхо.
«Помни…»

«Здесь…»

«Не отпускай…»
Он не был уверен, что слышит их по-настоящему. Но однажды, поставив пластинку утром, понял, что не может вспомнить дату её смерти.

Он знал – это было давно, осенью, в больнице, но точное число, год – исчезли.

Как будто кто-то вычеркнул страницу из памяти.
Поначалу это даже принесло облегчение.

Боль отступила.

Ему больше не снились похороны, не давили на грудь запахи лекарств и стерильной ваты.

Он просто слушал Лизу – как будто она вернулась.

И всё вокруг, казалось, снова обрело смысл.

Но через несколько дней в его памяти начали стираться другие вещи.

Он однажды не смог вспомнить фамилию соседа, с которым жил на одной площадке тридцать лет.

Затем забыл, как выглядел его собственный почерк.

А потом – не смог найти на полке любимую пластинку Баха, хотя та стояла перед глазами.
Всё, что не касалось Лизы, стало блекнуть, исчезать, будто пластинка, играя, забирала из него ненужное.
Он снова и снова ставил иглу, с каждым разом всё глубже проваливаясь в музыку.

Голос звучал уже не только в колонках – казалось, что он идёт из стен, из половиц, из собственного сердца.
И тогда он начал записывать на бумаге всё, что помнил, – имена, адреса, даты.

Но слова таяли прямо под пером.

Чернила растекались, как вода, а буквы становились непонятными.

Однажды ночью он проснулся от того, что проигрыватель сам включился.

Пластинка крутилась, хотя он не ставил её.

Из динамика доносился всё тот же голос, но теперь в нём было что-то иное – печаль, утомление, словно сама Лиза устала петь.
– Ты помнишь меня? – прошептал Пётр Николаевич, подходя ближе.
Ответа не было, но музыка на миг прервалась, и в паузе он ясно услышал её дыхание.

А потом – тихий шёпот:
«Ты должен забыть, чтобы мы были вместе».
Он опустился на стул, руки дрожали.

Музыка вернулась, тише, спокойнее.
Он больше не сопротивлялся.

Наутро соседка снизу – Анна Михайловна – постучала в его дверь.

Ответа не последовало.

Когда дверь вскрыли, Пётр Николаевич сидел в кресле у проигрывателя, с лёгкой улыбкой на лице.

На пластинке игла ещё крутилась, но звук давно стих.
На столе лежала записка, написанная неуверенным почерком:
«Я вспомнил, чтобы забыть. Теперь – тишина».
Соседи говорили потом, что в ту ночь кто-то пел за стеной.

Женский голос, едва слышный, тонкий, как нить между мирами.

А на следующий день, в том же антикварном магазине, где когда-то продавали «прочее», появилась новая коробка с пластинками.

Одна из них – без обложки, с тонкой царапиной на краю.

На этикетке – едва заметные буквы: «Л. П. Николаева. Песня №2».

Глава 3. Дом, где поют стены

С самого утра шёл дождь – мелкий, упорный, такой, что кажется, будто небо не льёт воду, а просто медленно стирает мир.

Алексей ехал по разбитой дороге на старом автомобиле отца, направляясь туда, где, по архивным записям, когда-то находилась детская музыкальная школа №9.

Он узнал о ней случайно: в одной из плёнок, что он прослушал накануне, между нотами проскользнуло неразборчивое слово – «Гармония».

Он долго искал, пока не наткнулся в старом справочнике на запись:

«Детская школа искусств «Гармония». Основана в 1954 году. Закрыта в 1972-м после пожара. Здание не восстановлено».

И именно это слово, произнесённое женским голосом на плёнке, словно тянуло его туда.

Дорога к школе шла через пустой посёлок. Когда-то здесь жили рабочие местного завода, но после его закрытия дома постепенно опустели.

Сейчас улицы заросли травой, на стенах домов облупилась краска, и только редкие силуэты старых тополей напоминали о том, что здесь ещё осталось дыхание.

Здание школы стояло на холме, за ржавыми воротами.

Крыша обвалилась, окна – выбиты, но в архитектуре чувствовалось что-то гордое, упрямое, как будто само место отказывалось исчезать.

Когда Алексей вошёл внутрь, его встретил запах сырости и плесени, перемешанный с чем-то странным – не то дерево, не то медь.

Тишина внутри была такой густой, что каждый шаг отзывался гулом.

На полу – разбросанные ноты, пожелтевшие листы, покрытые разводами влаги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.